

Афины, южный склон Акрополя. Здесь находится одна из самых ярких достопримечательностей Греции, древний театр Одеон Герода Аттика (больше известный как Иродио). Одеон имеет историю в две тысячи лет, классическую форму древнего театра на пять тысяч мест, и, что замечательно, до нашего времени сохранились почти все постройки, за исключением статуи в нишах. В 50-х годах XX века священные камни театра — места для зрителей и сцену — заново облицевали мрамором, и Одеон стал одной из престижных площадок ежегодного Афинского фестиваля. Важнейшие музыкальные события происходят на сцене Одеона, выступали такие гранды

БАЛЕТ — ЧЕМПИОН

Юбилейные даты постановки «Спартак»

мирового искусства, как Венский филармонический оркестр, балет Большого театра СССР, божественная Мария Каллас... Как-то, ещё на заре 90-х, выпускница Московской консерватории гречанка Нина Калупа поделилась со мной историей, очевидцами которой были друзья её друзей. Время начала представления задерживали... как вдруг, словно из глубины веков, раздался прекрасный, нечеловеческий голос. Публику, словно гигантской силой, бросило к сцене. Лежа на сцене лицом в пол, Мария Каллас вступала в арию Casta Diva из оперы "Норма".

Эффект подобного рода случился не далее как этим октябрём. Краснодарский Театр балета Юрия Григоровича, приглашённые солисты Большого театра с 10 по 20 октября дали гастроль в Одеоне Герода Аттика.

"И море, и Гомер — всё движется любовью. Кто же слушать мне? И вот Гомер молчит..."

Балет "Спартак" открывал гастроль. В основе либретто — "Жизнеописание" Плутарха, сатиры Ювенала, художественные произведения. Главные темы — героизм, борьба, любовь.

Сумерки углём заштриховали воздух над Акрополем, багряные лучи заходящего солнца сквозь изумруд сосен и тяжёлые тучи смешили палитру. Как вдруг два острых луча скрестились над руинами Одеона, экспрессия музыки разбудила гнев Зевса (композитор — Арам Хачатурян) и будто бы произвела тектонический сдвиг: пирамида из воинов-легионеров со знамёнами древнего Рима в руках с полководцем Крассом во главе возникла из-под земли. Публику как по команде отбросило к спинкам мест... Блеск стали доспехов, серебро штандартов... "Римский консул Красс с триумфом возвращается в Рим". Среди его пленников, обречённых на рабство, Спартак-гладиатор и его возлюбленная Фригия.

В роли Спартак выступил премьер Большого театра Денис Родыкин. Он не скрывал последующего накала впечатлений. "Это было что-то необыкновенное! — рассказывал мне по телефону. — События двухтысячелетней давности развернулись "здесь и сейчас", и ты оказываешься их реальным персонажем. Во время спектакля дул очень сильный, жестоко сильный ветер, и приходилось то преодолевать его, как будто в схватке с эпохами-тысячелетиями, то в прыжках словно парить над

сценой. И такой раздавался рёв восторга публики, пятидесятый, да ещё и приставные сиденья были, что действительность в буквальном смысле уходила из-под ног".

Впервые сцена Иродио увидела "Спартак" ровно сорок лет назад. То был легендарный спектакль, одна из "золотых страниц" Одеона. Солировали блистательные и воспитательные Наталия Бессмертнова (Фригия) и Михаил Лавровский (Спартак), Екатерина Максимова (Фригия) и Владимир Васильев (Спартак), Нина Тимофеева (Эгина) и Марис Лиена (Красс). Триумф был таков, что публика бушевала, как море при шторме, не желала отпускать артистов со сцены.

верность принципам академического балета, балетам Петипа с его искусственно-грязными движениями, при этом высшей формой романтизма называет пафос героики. Поэтизация грёз и видений уступает место лирико-философскому осмыслению роли личности в истории, большим страстям и страстному искусству. Художник Симон Вирсаладзе предлагает новый творческий метод сценографии — "живописный симфонизм".

Аскеза сценографии и грандиозность цели. Балет, эта величайшая иллюзия, разворачивает эпические театрально-пластические полотна. Стихия образности "Спартак", эффект зрелищности поражают и почти ослепляют

нице, молодой рабыне. Умная, мстительная жрица любви, она вовлекает Красса в вакхический танец, и тот, преследуемый, уставший от наслаждений, приказывает привести гладиаторов. Они должны быть в шлемах с глухим забралом, они должны биться насмерть... Одним из гладиаторов оказывается Спартак (Иван Васильев). Спартак убивает друга.

"Когда для смертного умолкнет шумный день..."

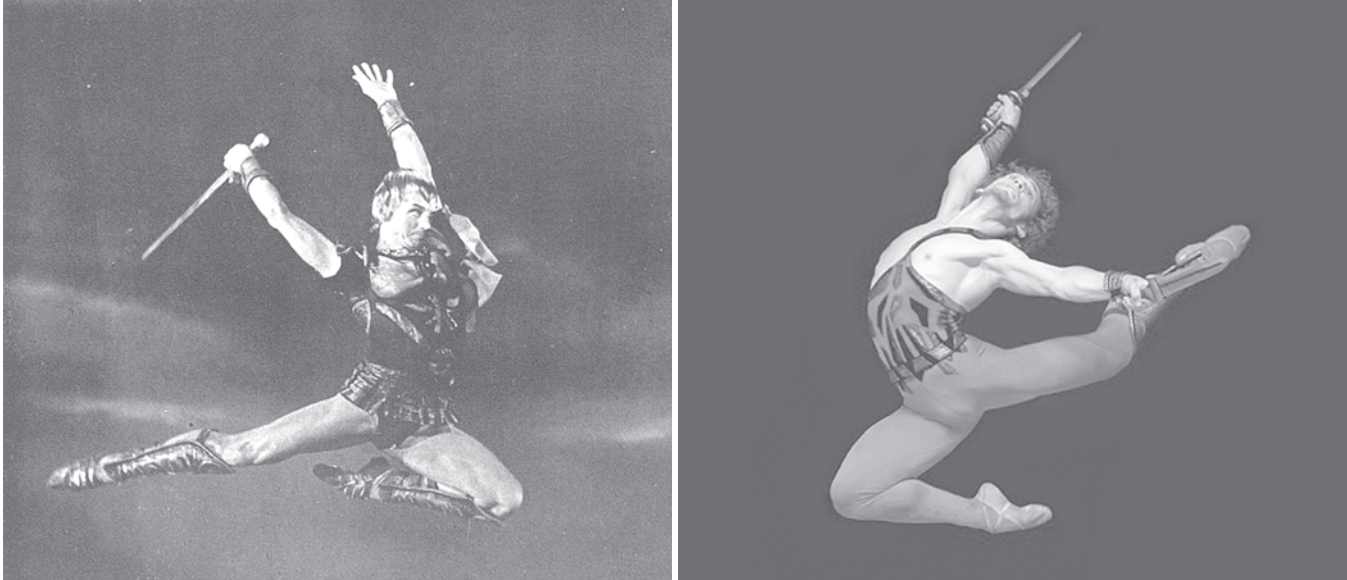
Монолог Спартак, его потрясение, раскаяние и нарастающий протест раба-гладиатора переводит философию балета в иную плоскость, задаёт другой вектор.

Трагичность ситуации усугубляет предательство в лагере Спартак. Эмблемные, как чеховская "чайка" для МХТ, летящие прыжки Спартак через всю сцену в лучах заката — отчаянно-страстный призыв к единению. Призыв тщетный...

ность финальной мизансцены обращает к произведениям мастеров Высокого Возрождения... Но вот чёрной ночью обрушивается на сцену занавес-тенг.

...Из всех видов искусств балет — ближе всего к Вере. "Существование ожидаемого и уверенность в невидимом". Русский балет — ближе всего к Вере. И в том ещё — его уникальность, оранжерейность, встревоженный восторг. Примечательно, что в программе гастрольных туров Большого театра крупнейшие театры оперы и балета мира желают видеть два шедевра: "Лебединое озеро" и "Спартак". Отражение русского снега, взгляд синего неба, код русской души и — Эверест русских представлений о долге, чести, жертвенности любви, покорить который пытаются полвека уже.

Р.С. В кругу политологов, обозревателей, социологов как-то повелось сравнивать настоящее время

Сцены из балета «Спартак». Красс — Марис ЛИЕПА, Спартак — Владимир ВАСИЛЬЕВ

"МИР ДОЛЖЕН БЫТЬ романтизирован", — утверждал Новалис, один из первых предстателей немецкого романтизма. — Только так можно ему помочь обрести изначальный смысл".

И Григорович сделал это. Что немаловажно — в момент, когда судьба Русского балета второй раз за XX век оказалась под вопросом. С позиции Запада и их влиятельных адептов в Советском Союзе Русский балет как костяк в горле стоял на пути развития прогресса, раздражал своей напыщенной академичностью, замороченной архаикой, как будто бы и не было "Сезонов" Дягилева. В качестве образчика, примера для подражания приводили, нет, не изысканность "Призрака роз", конечно, — балета, что вошёл в число постановок-долгожителей, а скандальный опыт "Послеполуденного отдыха фавна" ("нам демонстрируют развратного фавна, с непристойными движениями, животным эротизмом", — негодовала пресса) или "Кошечку" со сценографией — лабораторией конструктивиста: с огромными конструкциями из проволоки, обтянутыми целлулоидом.

Чаши весов опасно качнулись. Григорович с балетом "Спартак" перевернул "шахматную доску", открыл новую эру в истории хореографического искусства, поделил историю балета Большого театра на "до" и "после". Балетмейстер декларирует священную

ни на минуту не меркнувшим светом. Такое ощущение, что сам Рим — не просто одна из величайших культур для авторов спектакля, а главный источник вдохновения, некая духовная родина.

...25 октября балетом "Спартак" я открыла для себя нынешний (243-й) сезон Большого театра. Я знаю этот балет почти наизусть. Но всякий раз с открытием оно-золотого занавеса театра оказываюсь в ожидании тайны. Просцениум представляет собой кладку выжженных солнцем, выветренных ветром, пропитанных солью, занесённых пылью замшелых камней Древнего Рима. Громовые раскаты увертюры гонят гулы истории... и вот уже доносятся, как удары в колокол, удары цепей гладиаторов о брусчатку Аппиевой дороги, а из дворца наслаждений Красса слышны крики экзотических самосских павлинов... Оболстительные телодвижения в танце гетер прожуждают в гостях римского полководца не только охоту к устрицам из озера Лукрин.

Контрастность — один из структурных принципов построения балета. Величие ансамблевых групп и ожерелье из бисера вариаций. Рим рабов и Рим властителей. Обожествление красоты и силы человека и — превосходство идеи над человеком...

Моментом истины, во всяком случае, для меня стала такая картина. Дворец Красса. Эгина в разгар пирса замечает интерес властителя к неволь-

Заря. Прощальное лирическое адажио Фригии (Нина Капцова) и Спартак. Оно великолепно. Оно выкристаллизовано из нюансов лексики академического танца, как из долетающих брызг волн Тирренского моря, бесшумно разбивающихся о скалы. Оно поднимает танец на степень истинно-изящного искусства и пронзает ощущением женственности, рафинированности, хрупкости которого, как светотень, акцентирует мужественность, решимость и волю Спартак. Сам язык хореографии, сам склад хореографической фразы с поистине белькантовской кантателеной насыщены той духовной гармонией, что отражает некий высший порядок, возможно, порядок расположения светил на небе.

Спартак с верными ему гладиаторами поднимает восстание, к нему присоединяется народ. Увы, бой был неравный. Спартак погибает. В решении Григоровичем сцены смерти гладиатора — безжизненное тело повисает на высоко поднятых копьях римских легионеров — мерещится, угадывается грядущее событие вселенского масштаба: на смену язычеству придёт христианство. Ещё ликует надменный, самовлюбленный, преисполненный чувством собственного величия полководец Красс... Но что значит оно рядом с величием духа Спартак?

Реквием по Спартаку звучит как оратория, как молитва. Фригия безутешна, оплакивает возлюбленного. Скульптур-

или с "брежневским застоём", или с началом 90-х. Сообщение форума друзей балета навеяло и на меня то-ску сравнений: "из репертуара (Большого театра — М.А.) ушли "Легенда о любви" и "Ромео и Джульетта" Григоровича". "Уход" спровоцировал на форуме поток возмущений, разразилась полемика, не преминули припомнить отношение к Григоровичу "прогрессивной общест-венности". Я тоже припомнила "новомодные" рассуждения: "все, кто любят классическое искусство, — слабоумные", "Большой те-атр — не музей, должен жить в ногу со временем" и ещё... Честертона. Английский писатель и мыслитель конца XIX — начала XX века падение Карфагена так объяснил: "Карфаген пал потому, что деньги до безумия безразличны к истинному гению. Они не верят в душу и потому в конце концов перестают верить в разум. Они слишком практичны, чтобы быть хорошими; более того, они не так глупы, чтобы верить в какой-то там дух, и отрицают то, что каждый солдат назовет духом армии. Им кажется, что деньги будут спрашивать, когда люди уже не могут...". Не ближе ли настоящее время к эпохе начала Пунических войн, к году так 264-му до н.э.?

Марина АЛЕКСИАНСКАЯ

ЭКСПРЕСС, ОТЕЛЬ И МОДА

О выставке «Путешествия как искусство»

magazine" за 1894 год — даны описания женских нарядов, предназначенных для путешествия: пальто цвета оливы — чёрное с отделкой блё-руа и водоотталкивающий макинтош серого цвета на подкладке из серого же тафтяного шёлка. Исторически совпали три процесса: бум дорожного строительства, окончательное превращение моды из каприза богатого меньшинства в индустрию и, наконец, появление большого числа отелей на все вкусы и кошелки.

Все эти явления объединила выставка "Путешествия как искусство" МВЦ в "Музее моды" Гостиного двора. Устроители сообщают: "Основу экспозиции составляют вещи из личной коллекции Павла Манылова: предметы обстановки, одежда и аксессуары, специально подобранные и изготовленные на заказ". Первое, на что хочется обратить внимание — дизайн помещений. Изумительная игра с пространством: зеркала, ширмы, бутафорские ступени... На малой по

пробовый шлем. (О, да, какое счастье, что мы в России — не так давно Меланио Трамп гневно осудили за то, что мадам надела такой шлем!) Для нас это — детское воспоминание о книжках Редьярда Киплинга. Он часто бывал в "Рафлз", как и его соотечественник Сомерсет Моэм. Поговаривают, что Александр Вертинский здесь впервые исполнил свою песню "В бананово-лимонном Сингапуре". Так или иначе, русский Пьеро отлично уловил прелесть, избыточный колониальный стиль: "В бананово-лимонном Сингапуре, в буре, / Запястья и кольца звеня, / Магнолия тропической лазури, / Вы любите меня". Фон — складная ширма с пальмами и южным светом.

Раздел "Сицилия" связан с деятельностью бандитов, игроков, бутлегеров и прочих ребят в апельсиновых лаковых штиблетах. Речь идёт не только о сицилийских мафиозо, но о всех тех, кто хватал "лёгкие" деньги в межвоенные времена. Угар и фокстрот. На витрине — фишки из казино, лорнет и доллары, а ещё — сигара и бутылка Hennessy. Манекен в полосатом костюме и белом кашне. Усики, шляпа, тросточка. Не то Джей Гетсби, не то — исполненная мечта Остапа Бендера. Или — подонко Рэтчетт, убитый в "Восточном экспрессе"?

Но вот совсем иная плоскость — путешествия Эрнеста Хемингуэя, "старика Хэма", как называли его наши родители-шестидесятники. Фрагмент экспозиции посвящён любимому городу Хемингуэя — Венеции. "И город казался ему таким же прекрасным и волновал ничуть не меньше, чем тогда, когда ему было восемнадцать и он увидел его впервые, ничего в нём не понял и только почувствовал, как это красиво" — это последняя встреча старого полковника Ричарда Кантузупла с грёзами юности. "За рекой, в тени деревьев" — пронзительная печаль и осознание финала.

Бородатые манекены в строгих костюмах — все оттенки серого. Надоно отметить, что Павел Манылов не удовлетворялся обычными портновскими муляжами: каждый персонаж являет собой если не копию прототипа, то особый тип внешности. "Это было желанье странствовать, вот и всё, но оно налетело на него, как приступ лихорадки, обернулось туманящей разум страстью" — это уже Томас Манн и "Смерть в Венеции", болезненно-эстетское произведение о том самом городе. "Это была Венеция, листья и порозительная красавица, — не то сказка, не то капкан для чужеземцев; в гнилом воздухе её некогда разнузданно и буйно расцвело искусство, и своих музыкантов она одарила нежащими, коварно убавокающими звуками".

Экспозиция предназначена для грамотного посетителя — только он вскроет все культурные коды. Туповато "посмотреть на тряпочки" не удастся: мысль, идея тут же ускользает. "Город, как голос наяды, / В прозрачно-светлом былом, / Кружев узоней аркады / Воды застыли стеклом", — писал о Венеции Николай Гумилев; а мы перемещаемся во Флоренцию, в отель "Четыре сезона", расположенный недалеко от галереи Уффици. Зал "Флоренция" посвящён ещё и роману Сомерсета Моэма "Вилла на холме", где "стояли роскошные канделябры и внушительная мебель эпохи Возрождения". История утончённой англичанки в декорациях фашисткой Италии. Зал "Флоренция", пожалуй, наиболее яркий: искусственная зелень, гипсовая голова Микеланджело Давида, громадное фото флорентийской панорамы и дамы-кавалеры в нарядах ар-деко. В аннотации говорится, что женские костюмы — аутентично-итальянские 1930-х годов, а мужские пошиты специально для ретро-показов. Легкомысленный мирок и ему нет дела до фашистской диктатуры. Сюжет Моэма в помощь: "Мэри надела вечернее платье и кое-какие украшения, а затем устроила на голове довольно забавного вида маленькую шляпку, которая, однако, была очень модной".

Меня везёт ночной экспресс
В старый отель.
И пусть меня никто
Не ждёт у дверей,
Вези меня, ночной экспресс,
Вези меня скорее...

Из репертуара группы "Браво"

ОБОЗРЕВАТЕЛЬНИЦЫ гламурной прессы, а также их читатели, убеждены, что моду создают модельеры и заказчики. Это примерно как в том анекдоте про двоенчика: "Ветер дует, потому что ветви качаются". Если бы гляцевые "пилл" и странные люди, упорно именующие себя историками моды, учили историю с географией, они бы тоже знали: мода меняется из-за самих условий бытия и колотизмом является экономика. А не Коко Шанель, которой вдруг захотелось носить свободные брючки, и все дамы вслед за ней их надели. Сегодня мы поговорим и о локомотивах, и о Шанель, и о брюках. О путешествиях и легендарных отелях мира, воспетых в стихах и путевых заметках. "Век девятнадцатый, железный, / Воистину жестокий век!" — обречённо воскликнул Александр Блок. А Лев Толстой безжалостно бросил на шпалы свою лирическую героиню. Развитие железнодорожного сообщения и общественного транспорта — одна из важнейших вех исто-

рии человечества, поэтому ничего нет удивительного в том, что возможность путешествовать, переезжать с места на место повлияла на моду. Мобильный человек иначе движется и по-другому одевается, нежели "домосед".

Возникают специфические фасоны дорожного платья и сас де воаже, саквояж — сумка для поездок. Согласно легенде, первый женский костюм, состоящий из жакета и юбки, придумал портной Джон Редферн для свадебного тура принцессы Александры. Он просто взмахнул ножницами и разделил традиционное женское платье на юбку и корсаж. Созданная Редферном женская "двойка" пошла в массы. Идею подкачала сама жизнь: путешествие требует простоты и комфорта. Гениальные модельеры не сочиняют — они схватывают всё то, что носится в воздухе. Вот перед мной американский каталог "The ladies standard

объёму площади сконцентрированы вещи, штуки, смыслы, эпохи. И — ощущения. Современные выставки напрочь лишены академической сухости и со-путствующего ей школярского пафоса — это скорее арт-проекты, чем унылая констатация. Экспозиция по-чужа, не дарит впечатление. Ты не переклацка-дурочок, но гость. Цель — погрузжение. "В одном приятном уголке Французской Ривьеры, на полпути от Марселя к итальянской границе, круасует большой розовый отель", — писал Френсис Скотт Фицджеральд в романе "Ночь нежна", однако наш путь — на восток, а в Италию с Францией мы ещё вернёмся.

Первый зал обращён к сингапурскому отелю "Рафлз", построенному в конце XIX столетия. Колониальный шик — сплетение европейской респектабельности и восточной неги. Манекены в полувоенной одежде белых колонизаторов — песочный оттенок и

АПОСТРОФ

Феномен революции в России: истоки и уроки. Страницы документальной истории. Составители: А.В. Репников, Б.С. Котов, П.Ю. Савельев. М.: ИПК "Астрел-центр", 2017. — 716 с.

"...Закон политической жизни: властвовать способен только тот, кто имеет в душе своей гражданское мужество и государственное "правосознание". В политике "слово" не есть ещё "дело", и способность к государственному акту не может прийти ниоткуда извне".

Иван ИЛЬИН

"А разруха всё идёт, угрожая голодом, безработицей и общим разорением, причём полицейскими мерами против революции думают разрешить хозяйственный кризис. Такова воля контрреволюции. Слепые! Не видят, что без революционных мер против буржуазии невозможно спасти страну от развала".

Иосиф СТАЛИН

КОГДА в течение недели с небольшим в календаре "День памяти жертв политических репрессий", "День народного единства" (с "Русскими маршами") и годовщина Октябрьской революции, она же бывший День согласия и примирения ("с залоговыми аукционами" — по меткому замечанию политолога А. Синельникова) — не то чтобы принимаешь, но отчасти понимаешь государственную невянытицу по поводу событий столетней давности: как бы не опрокинуть лодку, сделав крен на один борт.

Зато в культуре и науке большие даты находят своё воплощение. Если слегка оторваться от диванного недовольства а-ля "ничего не происходит", то нетрудно зафиксировать: выставки, конференции проходят одна за одной. Новые книги пополняют магазины и библиотеки. Да, здесь неизбежны скоророверки, псевдоисторические подделки или пропагандистские опусы любого толка. Но выходят и ценные академические издания, основанные на исторических источниках — например, "Великая революция 1917 года: иллюстрированная летопись".

Ещё один ценный проект — "Феномен революции в России: истоки и уроки", подготовленный Аналитическим центром инновационных проектов и технологий во взаимодействии с Фондом исторической перспективы и Российским государственным архивом социально-политической истории. Казалось бы, такой том в эпоху "Твиттера" и "Инстаграма" обречён на локальный интерес — только историков. Однако читается книга на редкость увлекательно, поэтому дежурная аттестация "для широкого круга читателей" более чем оправдана. К тому же значительная часть документов, текстов, иллюстраций впервые выходит из архивов. Тем более к "Феномену..." можно спокойно обращаться и возвращаться через отдельные материалы. Книга "даёт развёрнутую картину того, что произошло в 1917 году, показывает многовекторность воздействия на русское общество внутренних и внешних процессов, которые привели к событиям столетней давности".

"Феномен революции..." состоит из двух разделов. "Голоса современников" — выдающийся клуб авторов, тексты политиков, мыслителей, журналистов, сатириков: от Андрея, Аверченко, Бердяева, Горького и Розанова до Шульгина, Ленина, Троцкого, Плеханова и Спиридоновой.

Второй раздел — декларации, заявления, а также письма простых рабочих и солдат из фондов Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ).

И, разумеется, фундаментальные комментарии и богатый иллюстративный ряд — по большому счёту, это тоже особый раздел книги.

Не самая корректная и симпатичная ассоциация — многоголосье социальной сети. Но это очень живая книга, в которой тексты лишены векового "напыления". Порой легко власть и в соблазн читательского языкоукомерия — в силу представления о дальнейших событиях. Странно наблюдать, как большие русские писатели выступают в жанре пангириков и истерик, как всего за пару месяцев пафос "воскресения России из lika мёртвых народов" (!) сменяется разочарованием, болью, страхом о "гибели России", как консервативная печать восхваляет "героев" Временного правительства и "нравственные основы русской революции", как архиепископа Андрея (Ухтомского) прочат в будущей патриархии (всего через десяток лет он действительно станет лидером церкви, только уже катакомбной).

Рядом немислыслимая эйфория — о вечном мире, который-де принесёт Февраль, и актуальный, с точностью до запятой и в наши дни, украинский вопрос. Так, автор шульгинского "Киевлянина", фиксируя "густую волну узкого национализма", призывает русскую общественность обратить внимание на проблему "не через очки сентиментального украинифильства". Колоритны плехановские выпады в адрес Ленина, который "бредит", исповедует анархизм и провоцирует гражданскую войну. Но праведный гнев разумного доктринёра проседает на фоне радикальных настроений в народе, с которыми срезонировали чуткие большевики, а также анахисты, которые вполне могли устроить свою "чёрную" революцию.

С формальной точки зрения можно сделать вывод, что "Феномен..." представляет революцию семнадцатого года как стадии одного процесса. Однако первые же статьи, открывающие сборник, показывают, что составители и руководители проекта оправданно взяли глуже: это тексты И. Сикорского ("Современная воссвятная война 1914 года") и М. Меньшикова ("В предрассветных сумерках"). Первая мировая война — крупнейшее событие мировой истории в сознании современного русского человека — по-прежнему неизвестная и периферийная война. Хотя во многом именно "последняя война старой России" открыла эпоху, которая продолжается и по сей день.

В любом случае, "Феномен революции..." монархиста или большевика только укрепит во взглядах, а неведомым адептом Феврала запросто лишит иллюзий. И снова замечу, что современный либеральный лагерь — мировоззренчески, этически и даже лексически — и рядом не стоял с "акторами" и интерпретаторами русской истории начала XX века, какой бы политический лагерь они ни представляли.

Даниил ТОРОПОВ

Выставка проходит в МВЦ "Музей моды" в Гостином дворе (улица Ильинка, дом 4, подъезд 1, этаж 2). Выставка открыта до 30 ноября 2018 года.

Галина ИВАНКИНА